

Анна Михалевская

Закрытый маршрут

На трамвайной остановке ждали двое.

– Не подскажите, как проехать к себе? – мужчина первым нарушил молчание.

Девушка пожала плечами и отвернулась, уставившись на схему маршрутов. Мужчина сделал жест, будто хотел поправить невидимую шляпу, но, опомнившись, спрятал трехпалую руку за спину.

– Они не подписаны! Понимаете, они не подписаны! Тут только цифры! Пятый, седьмой, двенадцатый! – она ткнула пальцем в карту под стеклом стенда.

– А вам куда надо? – спросил мужчина.

– В прошлое... Понимаете...

– Да понимаю я все! Что вы заладили... Зря ждете, между прочим. Маршрут прикрыли лет пять назад. С тех пор как последний трамвай задом наперед ушел в будущее.

– Как прикрыли?! – глаза девушки округлились, и она стала похожа на сову, очень удивленную и расстроенную.

– Как-как... Разобрали рельсы, построили небоскреб. Сейчас их везде строят, людям надоело разбрасывать мусор и плохое на строение исключительно в горизонтальной плоскости...

– Не подождал! Уехал без меня! Трус, предатель!

– Импотент и бабник! – поддакнул мужчина.

Девушка зло зыркнула на него и принялась прохаживаться вдоль скамейки.

– Может, отчасти я и сама виновата, – сказала она уже более примирительным тоном, – все-таки опоздала на пять лет... Если бы хотя бы на три...

– Пунктуальность – не самая сильная ваша сторона.

– Трудно прийти вовремя, когда время у всех разное... Он хотел забрать меня в наше первое свидание. Знаете ту остановку? Столики на двоих у моря, в динамиках блюз, пахнет шоколадом, гиацинтами и какой-то глуповатой романтикой... А у меня аллергия на приторные запахи...

– Насморк вас напугал больше, чем одиночество? – мужчина грустно усмехнулся.

– Не люблю заложенного носа, он делает меня беспомощной... Но сегодня...

– Вы почувствовали щемящую тоску, и вам захотелось разорвать порочную цепочку событий? – нарочито театрально продекламировал мужчина.

– Ну... И это, наверное, тоже, – не замечая ироничного тона, ответила девушка. – А еще – в гости приехала мама. Она только вернулась с курорта семейных воспоминаний, забила шкафы старомодными платьями и развесила бабушкины шторы. И я подумала – уж лучше насморк... – она вдруг замолчала. – А вы-то как здесь оказались?

– Пришел пешком. Оттуда, куда уже не ходят трамваи, – мужчина спрятал руку в карман, нащупал прореху.

– Из прошлого? – собеседница недоверчиво хмыкнула. – Не зная дороги, без защиты вагона? А как же тупики сожалений, ложные рельсы разочарований, ямы потерь? Удушливые испарения прелой ненависти, в конце концов?

– Я очень хотел вернуться, – тихо ответил мужчина. – К тому же, из тупиков всегда есть выход, главное – долго не засиживаться. По ложным рельсам можно прийти к началу дороги. А ямам потерь отдать дань, – он продемонстрировал руку без двух пальцев.

– Но испарения ненависти, от них умирают! Я видела по телевизору передачу!

– Ерунда, – отмахнулся мужчина. – Задерживаешь дыхание и ждешь. День, год, два, пять... – он бросил многозначительный взгляд на девушку.

Разговор сошел на нет. Девушка села на скамейку, обхватила голову руками. Просидела пару минут и вдруг подскочила, будто на что-то решившись.

– Вы должны мне помочь! Я согласна: по рельсам, по бездорожью, через эти чертовы ямы. Я способная, я тоже научусь задерживать дыхание. Вот смотрите! – она набрала полный рот воздуха и замерла с раздутыми щеками, не отрывая от мужчины умоляющего взгляда.

Но долго не выдержала, закашлялась.

– Вы не знаете, чего просите...

– И знать не хочу, я подумаю об этом потом, когда обниму его. Давайте же, поднимайтесь! – девушка потянула мужчину за рукав.

– Считаете, он просидел пять лет в одиночестве за столиком на двоих, закутав ноги в плед?

– Нет, но...

– Где вы его собрались искать? Можно, конечно, заглянуть на остановку холостяков. Новичкам там сразу выдают потертый диван, ставят прямо на улице – рядом с каким-то общепитом, потом можно разжиться телевизором и даже гаражом. Есть с кем поговорить о карбюраторах и смысле жизни.

– Это там вы свои пальцы потеряли?

– Ну да, ямы возле каждого дивана. Я легко отделался, мог вообще уйти без головы.

– Далеко бы в таком состоянии не ушли...

– Это как посмотреть... Говорят, безголовье здорово повышает тонус.

Оба замолчали, прислушиваясь к отдаленному стуку колес.

– Вы ведь меня никуда не отведете... А жаль. Могли бы столько всего пережить вместе. Вы бы научили меня выходить из тупиков. А я вас – жить без головы. Кажется, это у меня неплохо получается.

Девушка встала и пошла по трамвайным рельсам – в ту сторону, откуда пару месяцев назад едва живой вернулся мужчина.

Он снова нащупал дыру в кармане и, больше не сдерживаясь, крикнул:

– Кира!

Он побежал, подволакивая еще не послушную после перелома ногу, – привет от ржавых капканов тупика.

Все эти пять лет он что-то терял. Любовь, друзей, память, дорогу домой, себя. Он спокойно отнесся к тому, что ветер унес

в степь его шляпу, и что подаренные родителями часы соскользнули в трясину, но дырка в кармане пальто его расстроила по-настоящему. Получается, он ничего не сможет унести. Все вывалится из дырявого кармана. Но зашивать не стал, это было бы нечестно. Сперва он должен был вернуться туда, откуда начал свой путь, – к несбывшемуся свиданию с Кирой. Только тогда ему будет что класть в этот карман.

Она обернулась не сразу. Застыла посреди рельсов, будто решила врасти в трамвайную колею.

– Я думала, ты так и не простишь, не позовешь, не остановишь... Марк...

Он обнял Киру, ее мокрая щека пахла домом, шоколадом и какой-то глуповатой романтикой. Но он ничего не имел против.

За спиной послышался трамвайный гудок, Марк потянул Киру в сторону. Рядом прогрохотал вагон, их обдало теплым ветром. Он успел выхватить взглядом табличку «Прошное». И отвернулся, подставляя лицо солнцу нового дня.

